RU

«Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» А. Каргалый:
структура произведения, мотивы и образы

Хасавнех А. А., Хусайнова Г. Р.

Аннотация. Цель статьи - выявление места и роли произведения А. Каргалый «Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице», хранящегося в фондах Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, в системе фольклорных и литературных жанров. Проводится научный анализ рукописного произведения; определяются типология и генезис главной идеи вновь найденного текста; рассматривается влияние как письменных источников мусульманского Востока, так и творчества предшественников - поэтов Волго-Уральского региона - на данное повествование. Научная новизна исследования определяется тем, что в отечественном литературоведении отсутствуют работы, в которых был бы дан всесторонний анализ «Рассказа об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» как художественного целого. В результате раскрыты глубина поэтики, оригинальность и традиционность идеи произведения; проведена работа по введению рукописи в научный оборот.

EN

“The Story of ‘Abd al-Qadir Al-Gilani and the Spinner”
by Abulmanikh Kargaly: Structure, Motifs and Images

Khasavnekh A. A., Husajnova G. R.

Abstract. The purpose of the article is to determine the place and role of A. Kargaly’s work “The Story of ‘Abd al-Qadir Al-Gilani and the Spinner”, stored in the collection of the Centre for Written and Musical Heritage at the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, in the system of folklore and literary genres. The paper carries out a scientific analysis of the handwritten work; determines the typology and genesis of the main idea of the newly found text; examines influence of both written sources of the Muslim East and predecessors’ creative work, namely poets of the Volga-Ural region, on this narrative. Scientific novelty of the article lies in the fact that in the domestic literary criticism, there are no works comprehensively analyzing “The Story of ‘Abd al-Qadir Al-Gilani and the Spinner” as an artistic whole. As a result, the researchers have demonstrated depth of the poetics, originality and traditionality of the work’s idea; made efforts to introduce the manuscript into scientific use.

Введение

Вновь найденные во время археографических экспедиций конца XX – начала XXI в. арабографичные рукописные тексты татарских авторов – ценное и значимое в научном плане составляющее национального литературного наследия. За последние десятилетия учеными ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ из ежегодных комплексных экспедиций, проводимых не только по районам Республики Татарстан, но и далеко за пределами Поволжья, добыты татароязычные материалы по различным направлениям языка, литературы и искусства. В фондах Хранилища Института имеются в том числе литературные сборники со стихами и рассказами различного характера. Наличие значительного числа такого рода бесценных материалов, добытых за последние десятилетия, а также необходимость введения их в научный оборот открывают новые возможности для комплексного изучения данной категории архивных рукописных и печатных книг и восполнения национального литературно-художественного фонда. Актуальность данной научной статьи обусловлена, в первую очередь, неисследованностью в филологической науке найденного произведения А. Каргалый «Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице», одновременно отражающего в содержании и поэтике как специфику творчества самого поэта, так и литературные и фольклорные традиции, присущие мусульманскому Востоку. Произведения подобного характера до сих пор не получили всестороннего освещения в научно-исследовательской литературе.

В работе поставлены следующие задачи: изучить особенности «Рассказа об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» А. Каргалый; выявить его поэтическое своеобразие, отраженное в некоторых суфийских образах и мотивах; раскрыть особенности философии терпения в произведении; выявить общие черты с мусульманскими преданиями Востока и произвести сравнительное сопоставление с поэтическим произведением из сборника того же автора «Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Саиди» под условным названием «Повествование об Ибрахиме ибн Адхаме».

Основными методами исследования являются культурно-исторический, герменевтический, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой исследования послужили труды, затрагивающие отдельные проблемы истории и теории литературы, таких ученых, как А. Д. Кныш, известный исследователь в области суфизма и суфийской литературы [3]; Б. Я. Шидфар, филолог, востоковед-арабист [11]. Вопросы теории суфизма как религиозно-философского течения в исламе широко освещены в трудах М. Ю. Хаттара [10] и Хасана Хильми ад-Дагестани [9]. В исследуемом произведении А. Каргалый нашли место и некоторые образы и мотивы из народного фольклора, поэтому мы опирались на фундаментальное исследование «Татарский эпос: книжные дастаны» Л. Х. Мухаметзяновой [5]; в этом труде прослеживается тесное взаимоприспособление письменных и фольклорных жанров татарского народа. Что касается проблем поэтики и построения сюжетной линии, то при анализе поэтического произведения «Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» А. Каргалый мы обратились к книге М. С. Фомкина [6]. Учитывая, что в исследовании проводится сравнительно-сопоставительный анализ «Рассказа об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» А. Каргалый с другими его повествованиями из сборника, то основной упор в данной части исследования был сделан на наших ранних исследованиях [7; 8].

Практическая значимость исследования заключается в том, что используемые в работе принципы анализа могут быть применены при изучении произведений других авторов татарской поэзии этого периода. Ее результаты могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории татарской литературы, при написании соответствующих глав учебников, учебных пособий и монографий, посвященных творчеству татарского поэта А. Каргалый.

«Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице»: текстологическое описание и особенности повествования

«Рассказ об ‘Абд ал-Кадире Ал-Гилани и прядильщице» – условное название «Хикайэтес садис» («Шестого рассказа») А. Каргалый (1782 – после 1833), данное нами в процессе изучения творчества поэта. Он включен в литературный сборник автора «Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди» («Переводы хаджи Абульманиха ал-Бистави ас-Саиди») – одну из немногих сохранившихся на сегодняшний день книг поэта. Данный сборник хранится в архиве Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ [2] и включает в себя в общей сложности десять поэтических повествований, составленных на арабской графике.

К сожалению, автор данного рассказа не дает точных указаний на источник его заимствования. Но мы можем предположить, что подобного рода сюжеты, в особенности повествующие о жизнедеятельности таких известных суфийских мистиков, как Фудайл ибн Ийад, Ибрахим ибн Адхам, Абд ал-Кадир ал-Гилани, имели широкое хождение на территории Персии и Индии, а оттуда с течением времени через Среднюю Азию перекочевали и в земли наших предков. «Но, прежде чем попасть в руки к представителям просвещенной прослойки татар, они проходили сложный, многоступенчатый путь: произведения арабских, греческих, индийских, др. мусульманских авторов, а также христианские Священные Писания, интегрировав в персидскую литературу, творчески перерабатывались местными авторами» [7, с. 205]. По мнению Н. Наккаша, «этот фактор имел позитивный оттенок особенно в сложные, переломные для татарской литературы периоды, когда она претерпевала упадок или находилась в состоянии застоя; благодаря этому литература обогащалась новыми идеями и содержанием, переходила на более высокий этап развития» [1, с. 3].

В повествовании А. Каргалый рассказывается, пожалуй, о самом известном и почитаемом святом (*вали*) на всем мусульманском Востоке, человеке, с именем которого связано большое количество различных преданий и легенд, не сочетающихся «с образом строгого и трезвого сторонника искреннего покаяния и мистического страха [перед Богом]» [3, с. 208]. Речь идет об ‘Абд ал-Кадире ал-Гилани (1077-1166), основателе суфийского тариката Кадирийа. Тема о полном вверении себя шейху, его волеизъявлениям и приказам продолжена и в этом рассказе.

Произведение А. Каргалый состоит из 144 поэтических строк, из них 130 занимает само повествование, а концовка из 14 строк составляет традиционное в творчестве поэта авторское отступление. Текст произведения составлен на старотатарском языке, включающем в себя помимо сложных и вышедших из употребления тюркских слов и выражений большое количество арабизмов и фарсизмов.

Рассказ повествует об одной благочестивой и набожной женщине, многодетной матери-одиночке, которая денно и нощно пряла пряжу, затем продавала ее на рынке. Вырученных денег едва хватало на пропитание ей и ее детям. В изнеможении все свои мольбы после каждого утреннего намаза она обращала ко Всевышнему Аллаху с просьбой облегчить ей участь, позаботиться о ее сиротах и избавить ее от этого непосильного труда. И вот в один из дней чуть свет она, как обычно, отправилась на базар продать моток шерсти. Путь ее пролегал мимо дома, в котором проживал суфийский шейх ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани. Приблизившись к его жилищу, она

поздоровалась с наставником и его муридами. Шейх в свою очередь также поприветствовал ее со всем радушием и поинтересовался, куда та держит путь. Женщина рассказала ему, что идет на базар продать шерсть. Тогда шейх сам вызвался сбыть с рук ее моток шерсти и попросил отдать ему его. Заполучив товар в руки, он оглянулся по сторонам и подбросил моток к минарету мечети, добавив при этом: «Пригодно для починки». На тот момент на минарете сидела птица. Она подхватила этот моток шерсти, взметнулась ввысь и исчезла в просторах неба. Увидев все это, возмущенная до боли женщина обрушилась на шейха: «*Бөйләме улур ләтйифы мәрдаман, Ниләрем имде?*» – *даю зарый кәнан* [2, б. 31]. / «Разве к лицу такой поступок для лучшего из людей?! Что же мне теперь делать?» – стала та слезы лить (перевод авторов статьи. – А. Х., Г. Х.). Муриды шейха сказали ей на это, чтобы та набралась терпения, ибо каждый поступок наставника преисполнен мудрости и несет в себе благо. К сказанному дервишами ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани добавил, чтобы та не отчаивалась, а доверилась ему; если есть на то воля Всевышнего, то она в скором времени получит сполна вырученные за моток шерсти деньги. Успокоившись, прядильщица возвратилась к себе домой. На следующее же утро она снова пришла к ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани, чтобы получить вырученные за моток деньги. Шейх сказал ей: «Я знаю, что шерсть уже продана, потерпи еще несколько дней, и ты получишь свои деньги». Спустя неделю она снова явилась к мистика, на этот раз обрушила на него и его учеников волну негодования и возмущения. Отчаявшись когда-нибудь вернуть свои деньги за пряжу, погруженная в свои грустные мысли, она повернула обратно к себе домой. Только она покинула двор жилища шейха, как к нему с поклоном явились торговцы. Они поцеловали руку шейха и положили перед ним тысячу монет (*филур*) и, не мешкая, вышли обратно. Один из учеников шейха догнал их и попросил поведать о крупной сумме денег, которую они принесли для шейха. Один из торговцев рассказал, как однажды, когда они переплывали море, на них обрушился сильный шторм и за считанные минуты разорвал паруса их корабля на клочки. Торговцы не знали, что предпринять, как починить паруса, чтобы вновь взять нужное направление по заданному курсу. «“Вот бы иметь в руках нить, чтобы сшить разорванные куски материи”, – подумали мы тогда и мысленно обратились за помощью к шейху (‘Абд ал-Кадир ал-Гилани). Неожиданно на палубу нашего корабля села птица и, что-то выронив из клюва, улетела прочь. Это был моток шерсти ценой в шесть дирхемов. С помощью нее мы починили паруса и были в пути. От такой радости мы дали обет, что по возвращении дадим шейху в благодарность за спасение наших жизней тысячу монет. С этим намерением мы пришли сегодня к шейху и отдали ему обещанное». На следующий день та женщина в третий раз пришла к шейху с вопросом: «Где же деньги, вырученные за моток шерсти?». В ответ на ее вопрос шейх отдал ей тысячу дирхемов со словами: «Вот твои монеты». Обрадовавшись такому богатству, женщина вернулась к себе домой и навсегда забыла про бедность.

Мусульманская мистика в рассказе А. Каргалый, отображенная в суфийских образах и мотивах

Главный акцент в повествовании А. Каргалый ставится на раскрытии духовной силы и качеств святого. Эпитеты, применяемые в отношении шейха ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани: «миһрубән» (милосердный), «шәйхе жиһан» (шейх мира), «Хак Тәгалә дуслары солтаны» (султан друзей Всевышнего), «ләтйифы мәрдаман» (лучший из людей) и др. раскрывают многочисленные способности и большой внутренний потенциал великого наставника и святого (*вали*). Причем способность шейха творить чудеса (*карамат*) является его главной характеристикой в данном рассказе. Тема чудотворства является основной темой данного произведения А. Каргалый. О чудесных явлениях в жизни ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани было написано много книг различными авторами, в которых он представлен как отмеченный божественной благодатью (*барака*) великий святой своей эпохи, творящий чудеса. В них рассказывается, как ‘Абд ал-Кадир ал-Гилани ходит по воде, летает по воздуху, читает мысли людей, способен присутствовать одновременно в нескольких местах, укрощает огонь и т.д. «Под его покровительством находятся земли от Стамбула до Дели, и он всегда готов прийти на помощь обиженным и угнетенным» [3, с. 209]. Весь рассказ А. Каргалый ведется вокруг мотка шерсти. Благодаря мудрости шейха этот моток чудесным образом попадает в руки терпящих бедствие на корабле посреди океана торговцев; они спасаются от смерти, зашив паруса при помощи шерстяной нитки. Благодаря чуду, совершенному шейхом по воле Всевышнего, женщина обретает благополучие и избавление от былых тягот и забот, это – своеобразный ответ на ее мольбы к Аллаху. Конечно же, образ шерсти (*йомгак*; *жеб*) является глубоко символическим и мистическим. Изначально образ суфия связан с мусульманским мистиком (аскетом), носящим грубую одежду из шерсти. Шерсть же, в свою очередь, символизирует покаяние и самоотречение.

Раскрытие темы терпения (*сабр*) в произведении

Вторым основным лейтмотивом данного рассказа А. Каргалый является тема терпения (*сабр*). На мольбы благочестивой женщины, многодетной матери, Всевышний отвечает посредством странного, на первый взгляд, дерзкого поступка суфийского наставника: он забрасывает ее моток шерсти к минарету мечети, где его подхватывает птица и улетает прочь. Шейх заверяет ее, что она получит вырученные за ее моток деньги. Однако та проявляет нетерпение: она неоднократно обивает порог шейха и требует от него обещанного ей вознаграждения. Доходит до того, что в отчаянии женщина обрушивает на шейха и его муридов свой гнев и упреки. Мудрый замысел наставника и его положительные последствия раскрываются уже в конце повествования. Несомненно,

автор произведения намеренно вводит в свое повествование некие острые сюжеты, например, подбрасывание мотка шерсти к минарету мечети либо взывание о помощи муридов шейха, попавших в положение между жизнью и смертью. Можно сказать, что «композиционный прием интригования и эмоциональной подготовки читателя с помощью определенного набора образов и сюжетов – это элемент суфийского стиля...» [6, с. 122-123].

Как видим, терпение – высшее нравственное качество у представителей мистического учения тасаввуф, являющееся также и отдельной макамой. Суфий в процессе своего духовно-нравственного самоочищения вырабатывает в себе терпение и приходит к конечной стадии – любви (*махабба*). Интересно, что данный суфийский мотив ярко выделяется и в некоторых других татарских эпических текстах, например, в письменных книжных дастанах татар Поволжско-Уральского региона [5, с. 266-317, 318-350].

В авторском отступлении, в 14 заключительных строках произведения, поэт обращается к читателям, представляя суфийского тариката: «*тари́къ әһеле булган кардәшләр*»; «*ишәккә хезмәт иткән халдәшләр*» (братья, относящие себя к представителям (суфийского) тариката; суфии, служащие шейху). А. Каргалый также призывает представителей мистического учения никогда не сомневаться в намерениях и волеизъявлениях своих шейхов, напротив, – полностью подчиниться им, ибо, подобно рассказанному сюжету, благо их намерений открывается позже. Данное созвучие лишний раз подтверждает убеждение суфиев в том, что шейхи являются наместниками пророка Мухаммада, проводниками Божественной истины, Божественных знаний, и необходимо строго следовать за ними. Ибо также в Коране сказано: «И если этого не знаете вы сами, Спросите тех, кому Писание дано (до вас)» (16:43) [4, с. 308].

Основные мотивы произведения, почерпнутые из мусульманских преданий Востока

Для самого автора идеалом терпения является Ибрахим Адхам, который, несмотря на пренебрежительное отношение к себе шейха, проявил стойкость перед лицом бед и унижений и удостоился в итоге его благосклонного отношения. В вышеупомянутом сборнике татарского автора в «Хикайәтес сабигъ» («Седьмом рассказе») приводится отдельное повествование об этом раннем мусульманском мистике, которого также принято относить к ранним суфиям [2, б. 33-38]. Ранее нами было опубликовано исследование данного поэтического рассказа [8]. Что касается «Рассказа об ‘Абд ал-Кадире ал-Гилани и прядильщице», то здесь в качестве мурида опосредованно выступает благочестивая набожная женщина, на иждивении которой находятся малые детки, и она не имеет прямого отношения к ученикам шейха. В данном повествовании имеется лишь краткий эпизод обращения одного из муридов за помощью к ‘Абд ал-Кадиру ал-Гилани в момент катастрофы на торговом судне, и шейх отвечает на эту просьбу тем, что посылает к ним птицу с мотком шерсти в клюве. В данном случае духовный наставник демонстрирует чудотворство (*карамат*). Однако, ведя речь о карматах от шейхов, надо заметить, что применяют они их в том числе в отношении своих учеников в крайне редких случаях. «Имам Фахруддин ар-Рази сказал: “Очень часто люди по причине чудес отходят от пути Аллаха, именно поэтому истинные *арифы* боятся, что эти чудеса будут для них испытанием, которое они не смогут преодолеть”» [10, с. 310]. Как видим, оба произведения, вышедшие из-под пера А. Каргалый, содержат в себе много общих идей, образов и мотивов, и это неудивительно, так как подобная тенденция в принципе свойственна многим писателям и поэтам XIX в., и корни этого явления уходят глубоко в пласт коранической и всей арабоязычной литературы, для которой «повторы, ретардация, постепенное нагнетание интенсивности были чрезвычайно характерны» [11, с. 59]. Однако «Рассказ об ‘Абд ал-Кадире ал-Гилани и прядильщице» более обогащен с композиционной стороны, так как число основных действующих лиц в нем больше, и сам сюжет имеет более сложную структуру – в нем параллельно развиваются сразу несколько эпизодов.

В традиционном авторском отступлении к «Рассказу об ‘Абд ал-Кадире ал-Гилани и прядильщице» А. Каргалый ведет речь об этике взаимоотношений шейха и мурида. В случае с благочестивой женщиной мы видели данное негативное отношение шейха в виде подбрасывания ее мотка шерсти к минарету мечети. «Не обманись его внешне радушным, приветливым отношением, наоборот, внешне неприветливое отношение для тебя лучше, именно тогда ты и получаешь благодать» [9, с. 26-27].

Заключение

В результате нашего исследования ключевые аспекты заявленной темы интерпретируются в контексте историко-литературного и литературно-культурного процесса в целом. Своеобразие и традиционное в исследуемом произведении А. Каргалый находятся в состоянии взаимопроникновения. Само произведение как самостоятельный жанр литературы должно найти свое закономерное место в литературе. Особняком в произведении А. Каргалый выделяются образы и мотивы, берущие начало от арабо-мусульманских письменных памятников, в частности суфийской литературы. В произведении образы и мотивы терпения, вверения себя шейху, испытания и чудотворства раскрываются оригинальным образом. Так, например, как мы видели из анализа, объектом терпения является не мурид, а благочестивая женщина, не имеющая отношения к суфийскому братству. Однако идее и содержанию произведения А. Каргалый не чужды мотивы, укоренившиеся на территории Волго-Уральского региона, где ханафитский мазхаб был изначально признан основным действующим мазхабом. Рассказ татарского автора отличается простотой и душевностью, которые отсутствуют в назидательных поучениях и более умозрительных принципах, являющихся предметом суфийских речений и некоторых трактатов.

В сравнении с другим повествованием А. Каргалый об Ибрахиме ибн Адхаме данный рассказ имеет более сложную сюжетную и композиционную структуру, хотя в основе оба произведения также имеют много общих мотивов и символов. Поэма создана изысканным слогом, она отличается большой силой эмоционального воздействия, прочувственным лиризмом, глубиной содержания. Ей свойственны высокая художественность, точность выражения мысли, поэтическое красноречие. Как и в других рассказах А. Каргалый, вошедших в поэтический сборник «Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди», в данном произведении основной акцент ставится на этической составляющей суфийского учения.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в определении новых подходов к арабописьменным литературным и письменно-фольклорным текстам, хранящимся в архивах научных центров; в продолжении текстологической работы по рукописям, исследовании их (в том числе и вновь найденных произведений известных авторов) в качестве важных составляющих письменной культуры народа, издании текстов в действующей графике и т.д.

Источники | References

1. Гыйбрәтле хикәятләр // Кулъязмаларны басмага әзерләүче, хәзерге әдәби телгә күчәрүче һәм рәссам-бизәүче Нәжип Нәккаш-Исмәгыйль. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 174 б.
2. Каргалый Ә. Тәржемәи хажи Әбелмәних әл-Бистәви әс-Сәгыйди. Казан: Казан ун-ның табгыханәсе, 1889. 54 б.
3. Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история / пер. с англ. М. Г. Романова. СПб.: ДИЛЯ, 2004. 464 с.
4. Коран / перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. Изд-е 14-е, доп. М.: Рипол классик, 2019. 800 с.
5. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. 380 с.
6. Фомкин М. С. Султан Велед и его тюркская поэзия. М.: Наука, 1994. 200 с.
7. Хасавнех А. А. Библейский сюжет о Самсоне в творчестве татарского поэта-суфия Абульманиха Каргалый // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. 1. С. 205-207.
8. Хасавнех А. А. Сюжет об Ибрахиме ибн Адхаме в поэзии татарского поэта-суфия Абульманиха Каргалый // Научный Татарстан. 2014. № 4. С. 104-111.
9. Хасан Хильми ибн Мухаммад ад-Дагестани ан-Накшбанди аш-Шазили аль-Кадири. Краткое изложение сокровенных знаний для наставления Мухаммада 'Арифа / пер. с араб.: И. Р. Насыров, А. С. Ацаев. М.: Ансар, 2006. 343 с.
10. Хаттар М. Ю. Энциклопедия суфизма / пер. с араб. М.: Ансар, 2005. 480 с.
11. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы VI-XII вв. М.: Наука, 1974. 252 с.

Информация об авторах | Author information

RU Хасавнех Алсу Ахмадулловна¹, к. филол. н.
Хусайнова Гульнира Разифовна²
^{1, 2} Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

EN Khasavnekh Alsou Ahmadullova¹, PhD
Husajnova Gul'nira Razifovna²
^{1, 2} Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

¹ alise_12345@mail.ru, ² Gulnira2010@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): Абульманих Каргалый; суфизм; взаимоотношения шейха и мурида; терпение; покаяние; Abulmanikh Kargaly; Sufism; relationship between the sheikh and the murid; patience; repentance.